

ПОЛИТИЯ

Р.Ф.Туровский

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ГЕОСТРУКТУРЫ В ЗАПАДНЫХ ДЕМОКРАТИЯХ: ПОПЫТКА СИСТЕМНОГО СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА¹

**Инновационный
феномен
голосования
за ультраправых**

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №03-06-80087. Ее первая часть опубликована в №1 за 2004 г.

Отдельного рассмотрения заслуживает феномен голосования за радикальные правые партии, обычно выступающие с националистических и, прежде всего, антииммигрантских позиций. Здесь можно выделить две наиболее распространенных географических модели.

Во-первых, это фронтальные зоны, принимающие на себя основной поток мигрантов. Здесь происходит объяснимая радикализация местного населения, отторгающего инокультурную экспансию. Обычно это крупные промышленные и портовые города. В наиболее яркой французской ситуации (отсюда – французская модель голосования за ультраправых) Ле Пен и его Национальный фронт добились наиболее высоких своих результатов в целом обширном регионе страны – на средиземноморском побережье, принимающем на себя волну мигрантов из Африки. На президентских выборах 2002 г., когда Ле Пен занял второе место, он смог получить более 20% голосов не только в главных фронтальных зонах – департаментах Буш-дю-Рон (Марсель) и Приморские Альпы (Ницца), но и в других районах Прованса, Лангедока и Руссильона, т.е. по всему побережью, а также вдоль Роны до Лиона (в департаменте Рона, где находится Лион, Ле Пен получил почти 20% голосов) и Сент-Этьена. В качестве другой фронтальной зоны с повышенной популярностью Ле Пена выступил северо-западный приморский и старопромышленный район Нор-Па-де-Кале, а также примыкающая к нему Пикардия.

Похожие явления отмечаются в наиболее крупных центрах абсорбции иммигрантов в Нидерландах и Бельгии. В Нидерландах ярким примером было выступление радикального «Списка Пима Фортейна» на выборах 2002 г. Центром активности этого движения и самого П.Фортейна стал Роттердам, современный город (который справедливо называют «Манхэттен на Маасе») и крупнейший порт с наивысшей долей пришлого населения (здесь же П.Фортейн был впоследствии убит). Именно в Южной Голландии, в состав которой входит Роттердам, его блок получил более 20% голосов. В Бельгии своеобразным аналогом Роттердама является портовый Антверпен, который превратился в форпост националистического Фламандского блока. На выборах 2003 г. Фламандский блок получил в Антверпене более 24% голосов при 13,6% по стране в целом². Некоторые аналогии

² Причем в Бельгии с ее высокой мобильностью электоральных инноваций влияние Фламандского блока распространялось и на другие районы Фландрии, в частности такие города, как Гент (столица Восточной Фландрии) и Мехелен.

прослеживаются и в Дании, где ультраправая Датская народная партия лучше выступает как раз в ведущих городских центрах.

Во-вторых, голосование за ультраправых бывает характерным для консервативных периферий. Они, как правило, принимают на себя небольшой поток иммигрантов. Однако их консерватизм ведет к тому, что возникшая в стране в целом проблема инокультурной экспансии воспринимается здесь особенно остро³. В целом, как показывает опыт различных стран, консервативная периферия может быть восприимчива к популизму вообще и правому в частности. С этой точки зрения приведенные выше примеры фронтирных зон не являются вполне чистыми, поскольку юго-восточные районы Франции и Антверпен вместе со всей Фландрией не только принимают поток иммигрантов, но и изначально относятся к числу более консервативных регионов своих стран. В более либеральном Роттердаме и Нидерландах в целом движение П.Фортейна набрало популярность, адаптировавшись к иным условиям электоральной среды и в частности поддерживая политическую эмансипацию гомосексуалистов.

Сочетание исходного консерватизма и нынешнего эффекта «фронтирности» ведет к росту показателей Швейцарской народной партии в консервативных северных германоязычных районах страны, включая и наиболее крупный центр – Цюрих, где особенно велики инокультурные общины. Нечто подобное можно наблюдать и в Австралии, где рассматриваемую нишу заняла Партия одной нации. Ее главным центром активности стал изначально консервативный Квинсленд, одновременно принимающий значительную часть мигрантов. Как результат, партия получила на выборах 2001 г. в Квинсленде более 7% голосов, а на удачных для нее выборах 1998 г. и все 14,3%. Голосование за эту партию прослеживается и в соседнем Новом Южном Уэльсе, где расположен притягательный для мигрантов Сидней, а также для довольно консервативных Западной и Южной Австралии. В Новой Зеландии партия «Новая Зеландия прежде всего» лучше всего выступила в некоторых провинциях Северного острова, расположенных в районе наиболее притягательного города страны – Окленда, но не в самом городе.

В более чистом виде голосование консервативных периферий, не сталкивающихся при этом с таким уж мощным притоком мигрантов, но остро реагирующих на эту проблему, характерно для Австрии (отсюда – австрийская модель голосования за ультраправых). Здесь на ультраправых позициях стоит Австрийская партия свободы. Ее главным форпостом оказалась небольшая горная Каринтия на юге страны, где губернатором стал ее харизматичный лидер Й.Хайдер. Однако Каринтия является своеобразной землей Австрии и отличается одновременно довольно сильными позициями социал-демократов⁴. На выборах 2002 г. левые взяли здесь почти 40% голосов, тогда как несколько увядшая Партия свободы – лишь около 25% (на выборах 1999 г. – почти 40%). В качестве характерной для различных стран

³ Так же проблемы экологии могут восприниматься как острые в экологически сравнительно чистых районах, приводя к повышенной популярности там зеленых (пример австрийских Альп).

⁴ Это сближает Каринтию с другой далеко не столичной, хотя и расположенной невдалеке от Вены землей – Бургенландом.

тенденции следует скорее обратить внимание на относительно высокие показатели Партии свободы в наиболее консервативных землях Австрии. На феноменальных выборах 1999 г. партия взяла почти 30% в Тироле, Зальцбурге и Штирии. В 2002 г. ей удалось получить хотя бы более 10% в Тироле, Форарльберге, Зальцбурге и Верхней Австрии (столица – Линц).

Следует заметить, что блок П.Фортейна хорошо выступил не только в Роттердаме, но и на религиозно-консервативном полюсе страны – в Лимбурге (более 19% в 2002 г.). Во Франции Ле Пеня неплохо поддерживал не только средиземноморский Юг, но и традиционно консервативные районы северо-востока и центра. На президентских выборах он пользовался относительной популярностью в Эльзасе и Лотарингии, некоторых департаментах Шампани, Франш-Конте и др.

Необходимо обратить внимание и на пример Норвегии с ее ультраправой Партией прогресса. Эта довольно успешная в последние годы партия стала уверенно набирать голоса как раз в консервативных районах юго-запада страны, являющихся традиционными форпостами Хейре и Христианской народной партии. Наряду с этими районами Партия прогресса стала хорошо котироваться и в окружении Осло (районы Эстфолл, Вестфолл, Бускеруд), но не в самой столице, где позиции Хейре остались прочными. Пример Норвегии в целом показывает, что в силу своего консерватизма достаточно активно голосовать за ультраправых может и страна с далеко не самым мощным притоком иммигрантов.

Наконец, отдельного рассмотрения заслуживает голосование за Национальный альянс в Италии. В отличие от рассмотренных выше эта радикально-правая партия имеет длинную историю, восходящую к итальянскому фашизму первой половины XX века. Поэтому ее популярность не следует связывать с притоком иммигрантов в те или иные регионы Италии. Скорее она объясняется традиционным консерватизмом регионов в сочетании с их относительной бедностью. Как результат, неофашисты стали в Италии феноменом «бедного Юга» в отсутствие там популярных левых партий (что отличает Италию от Испании и Португалии). На выборах 2001 г. Национальный альянс получил 14–15% голосов в типичных периферийных регионах Юга – Калабрии, Апулии⁵, Абруцци, Кампании (без Неаполя), а также в Марке, включаемой скорее в центрально-итальянский «красный пояс». В 1996 г. территория повышенной популярности этой партии (как и сама популярность) была заметно больше и включала Лацио, собственно Неаполь, Молизе, Сардинию, частично Сицилию, а также еще один фрагмент «красного пояса» – Умбрию.

В то же время не следует связывать голосование за Национальный альянс только с бедными регионами Юга. Наряду с ними самой активной поддержкой этой партии выделяется далеко не бедный и не вполне южный по своему позиционированию в итальянской системе географических координат Рим. Именно в Риме Национальный

⁵ В то же время стоит отметить, что именно Апулия на Адриатике принимает на себя поток албанских иммигрантов, ставших проблемой для Италии.

альянс добился своих наилучших показателей – более 20% в 2001 г. и более 30% в 1996 г. Скорее можно говорить о традиционной повышенной поддержке Национального альянса на всей территории Юга и частично Центра Италии в отличие от Севера. Эта поддержка и ее география имеют свои исторические корни и в той или иной степени сохраняются до сего времени. Например, для Рима характерно противостояние болельщиков двух команд – более простонародной «Ромы» и элитарного «Лацио». Многие болельщики «Лацио» являются сторонниками Национального альянса, который занимает в столице Италии правую нишу в условиях низкой популярности миланца С.Берлускони с его движением «Форца Италия!».

Влияние геокультурных и социогеографических расколов

Как показывает наш анализ, рассмотрение электоральной геоструктуры с помощью общегеографической модели «центр – периферия» является вполне приемлемым методом. В то же время такого анализа явно недостаточно, особенно при исследовании гетерогенных стран, отличающихся этнокультурным разнообразием и/или социальными контрастами. В таких странах возникает региональная поляризация, отнюдь не объяснимая одним только расслоением пространства на центры и периферии разного порядка. Прежде всего, происходит расслоение самих центров и особенно самих периферий, как например, в случаях их деления на северные и южные. Распространены ситуации взаимного отталкивания территорий, внутренней электоральной поляризации государства. Эта поляризация отмечается и на уровне отдельных городских агломераций (правые и левые пригороды и кварталы). В конечном счете эффект поляризации проявляется и внутри компактных территориальных сообществ, характеризующихся присутствием инокультурных групп (голосование коренного населения за ультраправых).

В этой связи особую методологическую значимость имеет проведение типологии географических расколов, представляющих собой другое, горизонтальное измерение электоральной поляризации территорий, которое дополняет и развивает вертикальное измерение «центр – периферия».

Рассмотрим электоральные геоструктуры в тех неоднородных и сложносоставных странах, которые характеризуются этнической гомогенностью.

Наиболее интересным и классическим является пример Германии, где этническое единство страны сочетается с историческим конфессиональным расколом между протестантами и католиками, а также с глубокой регионализацией, сложносоставным характером территории. Как результат, геокультурный раскол оказался в Германии сильнее раскола «центр – периферия». Основной, наиболее яркий электоральный водораздел проходит между Севером, где преобладает протестантское население и где пользуется наибольшей поддержкой

кой СДПГ, и католическим Югом, отдающим предпочтение ХДС/ХСС⁶.

⁶ Феномен католического консерватизма и голосования протестантов за левые партии имеет понятную социально-историческую природу. Именно протестантское население выступило в роли носителей инновационных тенденций и, в частности, протестантской этики капитализма (М. Вебер). В этих районах быстрее развивалась промышленность, быстрее шло снижение влияния церкви.

Южным консервативным полюсом Германии безусловно является Бавария, земля с тяготением к большей автономии. Характерно, что консервативное направление представлено здесь своей партией – Христианско-социальным союзом, который на общенациональном уровне выступает в блоке с ХДС. Поскольку ХСС имеет характер не только консервативной, но и региональной партии, уровень его поддержки в Баварии оказывается весьма высок (58,6% на выборах 2002 г.). Этому почти не мешает наличие в составе Баварии крупных инновационных центров, которые в иной геокультурной ситуации предпочитали бы социал-демократов. Хотя закономерно, что уровень поддержки ХСС выше на баварской периферии, тогда как в центрах все-таки есть определенная база поддержки левых.

Что касается собственно ХДС, то уровень ее поддержки более высок в южных и юго-западных регионах с католическим большинством. На выборах 2002 г. партия получила более 40% голосов в Баден-Вюртемберге и Рейнланд-Пфальце (родина бывшего канцлера Г. Коля), что соответствует списку типичных южных земель с высоким уровнем консерватизма. Расположенный рядом старопромышленный Саар голосует по британской модели, т. е. за социал-демократов. Уровень поддержки СДПГ в Баден-Вюртемберге уже заметно выше, чем в Баварии (33,5% и 26,1% соответственно). Таким образом, явный перевес правых характерен только для обособленной Баварии.

Высокая поддержка социал-демократов, напротив, характерна для северных земель с протестантским большинством. Они получили более 45% в Нижней Саксонии и Бремене, более 40% в Гамбурге, Шлезвиг-Гольштейне и Северном Рейне – Вестфалии.

Анализ *германской модели геокультурного раскола* также показывает, что понятие «раскол» является весьма условным. В каждом случае поляризации есть свое ядро типичности, которое и характеризует-ся действительным преобладанием определенного типа голосования. В Германии для правых это – Бавария, для левых – Нижняя Саксония с Гамбургом и Бременом, а также с примыкающим Шлезвиг-Гольштейном. Формирование этих ядер типичности связано с историко-географическими причинами, в результате чего обычная общегеографическая модель «центр – периферия» действует на них в минимальной степени. Отсюда консерватизм Мюнхена и левизна периферийных районов Нижней Саксонии. Но далее начинается система переходных зон, когда электоральная ситуация меняется постепенно: влияние определенного типа голосования по мере движения от ядра типичности снижается, на каком-то этапе мы попадаем на территории с невыраженными электоральными ориентациями и острой конкуренцией противостоящих сил. В переходных зонах лучше проявляются и привычные закономерности, связанные с моделью «центр – периферия». Такой анализ очень важен, поскольку в электоральной географии нередко об-

ращают внимание только на безусловно интересные пиковые показатели, оставляя за рамками рассмотрения основную часть страны.

В Германии, например, переходность характерна для центральной земли Гессен. Здесь влияние правых по сравнению с классическим Югом убывает, а влияние левых, наоборот, нарастает. На общенациональных выборах 2002 г. в Гессене с небольшим перевесом выиграли социал-демократы.

Элементы модели «центр – периферия» в германском случае с его мощным геокультурным расколом скорее дополняют, чем создают картину. Эти дополнения, однако, нельзя не учитывать. Так, расположенный на Юге Саар стал в соответствии с британской моделью оплотом социал-демократов. Не так уж низок уровень поддержки социал-демократов в промышленно развитом южном Баден-Вюртемберге. Наоборот, на Севере некоторые следы консерватизма в виде голосования за ХДС прослеживаются в более периферийных землях, особенно в окраинном Шлезвиг-Гольштейне (36%, почти как в неустойчивом Гессене) и даже в Нижней Саксонии (34,5%). Это отличает более периферийные земли Севера от городов (в Гамбурге и Бремене поддержка правых падает ниже уровня 30%).

Для соседних Нидерландов характерно наложение расколов «Север – Юг» и «центр – периферия». Здесь есть свой феномен левого протестантского Севера, характерный для самых северных провинций Гронинген и Дренте, самых благоприятных для Партии труда (поддержка на уровне около 40% на выборах 2003 г.). Однако буквально рядом с этими землями находятся тоже протестантские, но весьма консервативные провинции Оверэйссел и Гелдерланд с высокими по меркам Нидерландов показателями поддержки Христианско-демократического призыва (30–35% на выборах 2003 г.)⁷. В переходном положении находится еще одна северная провинция – Фрисландия. Таким образом, сам Север оказывается расколот между левым центром (Гронинген безусловно является столицей Севера, а Дренте исторически на него ориентирована) и правой периферией.

С другой стороны для Нидерландов характерен и феномен консервативного католического Юга, где роль ядра типичности выполняет Лимбург. С отставанием за ним следует соседняя земля Северный Брабант с большим количеством инновационных центров, своего рода голландский Баден-Вюртемберг в сравнении с голландской Баварией – Лимбургом. Однако и закономерности «центр – периферия» оказывают больше влияние на электоральную геоструктуру Нидерландов, примером чему служит ситуация в инновационном ядре и, прежде всего, Северной Голландии с типично смешанной электоральной культурой центрального типа. Кроме того, Юг не един в конфессиональном отношении: на крайнем юго-западе Нидерландов есть особая протестантская провинция Зеландия с высоким уровнем консерватизма. Также не будем забывать и о присутствии на Севере этнического меньшинства в виде фризов (Фрисландия), что, впрочем, не столь сильно

⁷ В Германии консервативность протестантских территорий на Севере практически не прослеживается на эмпирическом уровне.

меняет общую картину. Таким образом, пример Нидерландов подтверждает множество закономерностей, но не является столь чистым примером из-за смешения тенденций на небольшой территории.

Возвращаясь к Германии, следует выделить еще один, совершенно особый тип раскола, связанный уже с новейшими процессами формирования ее территории. Речь идет об историко-идеологическом расколе между землями бывшей ГДР и Западной Германии. В Восточной Германии проявился феномен «левого консерватизма», связанный с исторически обусловленным региональным голосованием за Партию демократического социализма – наследников коммунистов. На выборах 1998 г. во всех восточных землях ПДС получила более 20% голосов. В 2002 г. она выступила слабее, и на Востоке началась заметная дифференциация. Более устойчивой поддержка ПДС оказалась в Саксонии, Тюрингии, Бранденбурге и Мекленбурге (16–17% голосов). В Саксонии-Анхальт (граница с Западом) она упала до 14 с небольшим процентов, а в Берлине ПДС набрала лишь немногим более 11% голосов⁸. Заметно, что ПДС на Востоке начинает вытеснять «западногерманская» левая партия СДПГ, что ведет к сближению земель бывшей ГДР с другими северными землями страны и формированию единого германского «социал-демократического Севера». На выборах 2002 г. СДПГ получила более 45% в Бранденбурге (на уровне Нижней Саксонии), более 40% в Саксонии-Анхальт и Мекленбурге.

Еще более сложным случаем, связанным с геокультурными расколами, является Италия. В отличие от Германии она характеризуется конфессиональным единством. Однако в Италии сформировалась многополярная региональная структура, вызванная «лоскутным» формированием национальной территории, традиционными противоречиями между землями и довольно глубокими социокультурными различиями. В результате электоральная геоструктура формируется под влиянием культурно-исторического регионализма и социогеографических расколов.

Важно отметить, что, несмотря на видимые социальные различия, в Италии не работает социогеографический раскол «Север – Юг», столь важный в Испании и Португалии. В нынешней ситуации два края – богатые северные регионы и бедные южные отличаются высокими показателями поддержки одной и той же партии «Форца Италия!», тогда как выпадают из этой системы скорее центральные области и Рим. В результате электоральная геоструктура Италии (*итальянская модель*) оказывается практически уникальной и должна рассматриваться как особый случай в мировой практике, связанный с максимальной лоскутностью территории. В самом общем виде она может быть представлена в виде четырех полюсов – северного, центрального, римского и южного, причем две крайности в лице Севера и Юга начинают парадоксальным образом сходитьсь.

Север Италии находится под влиянием регионализма и притом выглядит достаточно консервативным по своим ориентациям. Тем

⁸ Напомним, что Берлин включает в себя две разделенные ранее территории – западную и восточную, для которой и характерно голосование за ПДС.

самым он оказывается южным продолжением «альпийского пояса» консерватизма, в то время как Бавария и Баден-Вюртемберг с северо-востоком Франции продолжают его с севера. На электоральных ориентациях экономически развитого Севера безусловно сказались противоречия «Север – Юг», которые привели к развитию здесь сепаратизма, основанного на нежелании «кормить» бедный Юг. Ярким местным явлением стала автономистская и правая Лига Севера (ранее – Ломбардская Лига) с ее главной зоной поддержки в Северной Ломбардии (периферия области, без Милана). На выборах 1996 г. Лига Севера получила в Северной Ломбардии более 35% голосов, в 2001 г. – более 15%. На втором месте оказалась восточная часть области Венеция (более 30% в 1996 г., более 10% в 2001 г.). В других северных регионах поддержки Лиги Севера сейчас несущественна, но ранее она захватывала всю остальную территорию, т. е. Пьемонт, Южную Ломбардию, Западную Венецию и область Фриули-Венеция-Джулия. Важно отметить, что главные столичные центры Севера – Милан и Турин поддерживали Лигу Севера в значительно меньшей степени (особенно индустриальный Турин, центр империи ФИАТа).

В то же время, несмотря на снижение влияния Лиги Севера, в северной части Италии сохранилась преимущественно правая ориентация. На данном этапе главной силой здесь является «Форца Италия!» С. Берлускони. На выборах 2001 г. она получила 30 и более процентов голосов в Пьемонте, Ломбардии и Венеции, т. е. во всех трех основных северных областях. Лига Севера лишь частично и местами дополнила это голосование, усиливая правый уклон электората и дополняя его регионализмом. Примечательно, что консерватизм Севера не сильно меняет наличие здесь мощных инновационных центров и, прежде всего, Милана. Отчасти это объясняется личным влиянием С. Берлускони в Милане (к тому же он хозяин футбольного клуба «Милан»), но в большей степени – традиционным консерватизмом электоральной культуры. С этой точки зрения Милан несколько напоминает Мюнхен, также как и Север Италии симметричен консервативному Югу Германии. И в то же время закономерно, что Милан и тем более Турин левее окружающей мелкогородской среды, которая по социально-историческим параметрам подобна аналогичным регионам Германии, Франции и Альп.

Следует отметить, что на Севере Италии есть ряд областей, имеющих свою этнолингвистическую специфику и потому голосующих по-своему (географический эффект итальянской лоскутности провоцирует дальнейшее дробление территории, появление небольших островных зон с особыми типами голосований). Это, прежде всего, – Трентино-Альто-Адижде и Валле-д'Аоста. Их голосования будут рассмотрены ниже. Здесь можно сказать о еще одной области, в которой есть своя этноисторическая специфика, но которая притом не так сильно отличается от соседних областей. Это – Фриули-Венеция-Джулия на северо-восточной окраине страны. Эта область ранее тоже неплохо

голосовала за Лигу Севера. Однако «Форца Италия» выступает здесь не столь сильно. Являясь с оговорками «свободной нишей», Фриули-Венеция-Джулия на выборах 2001 г. показала наилучший результат блока «Маргаритка» (более 20%).

Тем временем традиционный «красный пояс» остается на своем месте, включая области, расположенные дальше к Югу и которые можно условно назвать Центром Италии. Речь идет, прежде всего, об Эмилии-Романи и Тоскане, к которым примкнули Лигурия (приморская провинция, отличающаяся от соседней Ломбардии) и горная Умбрия. В меньшей степени поддержка Левых демократов характерна и для соседней Марке. Вместе они составляют четко выраженный левый Центр Италии, где популярность левых имеет свои исторические и социальные причины. Примечательно, что наиболее крупные центры в этой части страны – Болонья, Флоренция и Генуя как бы отталкиваются от доминирующего на Севере Милана, что создает эффект поляризации пространства.

Следующим полюсом итальянского электорального пространства оказывается Рим. Для него характерна смешанная электоральная культура, что сближает Рим со многими столицами. Но при этом есть важные особенности, которые являются следствием типично итальянской пространственной поляризации. Так, на правом фланге в Риме отмечаются слабые по итальянским меркам позиции «Форца Италия» (на уровне «красных» Эмилии-Романи, Тосканы и Умбрии). Это можно связать с традиционными противоречиями между Римом и Миланом как двумя самыми крупными итальянскими центрами. Отвергая «миланское» движение, правый электорат Рима отдает предпочтение Национальному альянсу, что приводит к феноменально высоким результатам этого радикального движения, наивысшим по стране (на национальных выборах 2001 г. в Риме Национальный альянс немного уступил «Форца Италия!»). Это сближает Рим с Югом, где Национальный альянс имеет довольно прочные позиции, и подчеркивает его противоречия с Севером. Также Рим на выборах 2001 г. неплохо голосовал за центристский блок «Маргаритка» (более 18% голосов).

Наконец, четвертый полюс – это все-таки Юг. На Юге происходит новое (при движении с Севера на Юг) усиление консервативных настроений. Возникает парадокс: Север достаточно негативно относится к Югу, что усиливает его голосование за правых. В то же время сам Юг голосует за правых, хотя в несколько иной конфигурации. Социогеографический раскол мало повлиял на электоральную геоструктуру Италии, определяемую скорее геокультурными расколами. Другими словами, в Италии при явной слабости общенациональной системы «центр – периферия» геокультурный фактор оказался доминирующим и в сравнении с фактором социогеографическим. Это сближает Италию с Германией и несколько отдаляет от Испании с иберийской моделью расслоения периферии на две идеологически полярные половины.

Что касается Юга, то он стал вторым форпостом движения «Форца Италия!». Сказались как традиционный консерватизм населения, так и программа самого движения, имеющая популистский характер и потому привлекательная для бедных слоев населения. Наилучших показателей «Форца Италия» добивается в последнее время на Сицилии, хотя она является социокультурным антиподом Ломбардии. Высокие результаты на уровне более 30% были также получены в Кампании, Апулии, периферийной части Лацио (без «упрямого» Рима), на Сардинии.

Особенность правого голосования на Юге заключается в хороших показателях Национального альянса при, разумеется, полном отсутствии поддержки Лиги Севера. Национальный альянс стал как бы Южной Лигой для правого электората. Его поддержка на уровне 14–15% была зафиксирована в той же Апулии, в Кампании (но без Неаполя). Важной базой этой партии является Калабрия на южной оконечности итальянского «сапожка». Хорошие показатели отмечены в горной области Абруцци. Кроме того, именно на Юге относительно хорошо выступают христианские демократы, что подчеркивает религиозный консерватизм населения. В 2001 г. они получили более 8% на западе Сицилии и более 6% на востоке.

Вместе «Форца Италия», Национальный альянс и Христианские демократы определяют доминирование правых сил на Юге⁹. Хотя здесь есть свои исключения в виде двух мелких областей. Базиликата выделяется гораздо более левым голосованием, являясь своеобразным «красным островом» на Юге. Тем самым она сильно отличается от соседней консервативной Апулии. Своеобразно ведет себя и область Молизе, являющаяся несколько менее правой, чем весь Юг. На выборах 2001 г. она отличилась наилучшим показателем зеленых (более 10%) и списка Ди-Пьетро (почти 15%). В Молизе отмечаются и неплохие показатели Христианских демократов, наиболее популярных на Сицилии.

Пример электорально раздробленной, многополюсной Италии интересно сравнить с Францией – другим крупным государством со сложносоставной территорией. Однако многовековые усилия по формированию единой французской нации и подавлению провинциальных начал привели к тому, что лоскутные «итальянские эффекты» во Франции проявляются слабо. Как показано выше, Франция лучше вписывается в закономерности базовой модели «центр – периферия». В то же время элементы геокультурного раскола здесь тоже есть. Не случайно голосованием за социалистов выделяется юго-западная Аквитания с некоторыми примыкающими регионами, область со своей историей. Восточные же районы страны являются продолжением «альпийского» или шире – центрально-европейского консервативного пояса, который захватывает горные районы, спускается к Средиземному морю и в долину Роны и продолжается в центральной и северной части страны.

⁹ Кстати, Национальный альянс частично проникает и в «красный пояс» в центре, например, показывая результаты выше среднего в Марке, а в 1996 г. и в Умбрии.

Наконец, примером сложносоставной страны с мощным географическим расколом является Канада. В этой стране определяющим является раскол «Запад – Восток», отчасти напоминающий европейские геокультурные расколы «Север – Юг». Восточная Канада является отдельной электоральной геоструктурой, в которой есть свое ядро (Онтарио с Либеральной партией) и окраины (периферийные восточные провинции, где выше популярность консерваторов). В условиях вытянутого вдоль параллели государства с невысокой плотностью населения возник феномен обособленной Западной Канады, которая противостоит Восточной политически и электорально. Поляризация Канады привела к тому, что Запад сделал ставку на свою партию. Закономерно, что эта партия оказалась более консервативной, чем Либеральная партия (речь идет об удаленных регионах страны). В то же время эффект поляризации сделал голосование в Западной Канаде гораздо более консервативным, чем это могло бы быть в других условиях. Ведь Западная Канада имеет свои крупные инновационные центры, такие как Эдмонтон, Калгари и Ванкувер, является мощным экономическим центром, тихоокеанскими воротами страны, главным нефтяным регионом и т.п. Однако эти центры в условиях геокультурной поляризации пошли по пути «правых» Мюнхена и Милана, отталкиваясь от более «левых» столиц и других регионов.

Ситуацию географического раскола в Канаде наглядно демонстрируют результаты выборов 2000 г. Партия реформ получила в центральной западной провинции Альберта 58,9% голосов (практически как ХСС в Баварии), в приморской Британской Колумбии – 49,4%, в расположенном восточнее Саскачеване – 47,7%. В Онтарио ее результат составил 23,6%, а в окраинных восточных провинциях, где влиятельна Прогрессивная консервативная партия, был просто мизерным. Напротив, либералы получили в Онтарио 51,5%, привлекли в Альберте 20,9% голосов, в Британской Колумбии – 27,6%, в Саскачеване – 20,7%.

При наличии двух ярко выраженных полюсов (что сближает Канаду с Германией) проявляется и типичный эффект переходных зон между ядрами типичности. В Канаде эту роль выполняет центральная провинция Манитоба с ее особой электоральной ориентацией. Здесь либералы и Партия реформ получили примерно одинаковые показатели, в свободную нишу проникла Новая демократическая партия, заняв уверенное третье место с более 20% голосов¹⁰. Элементы переходности прослеживаются, кстати, уже в «западном» Саскачеване, где тоже укрепилась Новая демократическая партия, получив там свой наилучший по стране результат (26,2%). В положении переходной зоны находится и канадский Север, который географически ближе к Западу, но не повторяет его голосования¹¹. Для северо-западного Юкона характерно смешанное голосование, похожее на Манитобу (близкие показатели Либеральной партии, Новой демократической партии и Партии реформ).

¹⁰ В имеющем аналогичное электорально-географическое положение германском Гессене «третья сила» не проявилась, хотя отмечаются повышенные показатели Свободной демократической партии.

¹¹ И притом напоминает европейский Север.

Далее необходимо рассмотреть страны, в которых геокультурные расколы имеют, прежде всего, этническую специфику.

Одним из самых ярких примеров является Бельгия, поляризованная по линии «фламандцы – валлоны». Целесообразно выделить «вторую» бельгийскую модель, предполагающую поляризацию голосований между этническими группами и соответствующими им территориями.

Как известно, в Бельгии не осталось общенациональных партий, т. к. все они разделились по этнолингвистическому признаку, хотя и выступают парами. В рамках внутривнутригосударственной поляризации Фландрия выступает в качестве консервативного региона, и этот консерватизм усиливается за счет отталкивания от другого полюса, который исторически доминировал в бельгийской политике (да и Брюссель является преимущественно франкоязычным городом). Хотя и объективно Фландрия тяготеет к правым, сближаясь с южными католическими регионами Нидерландов и превосходя их по уровню консерватизма. В свою очередь бельгийские франкофоны традиционно выступают в роли носителей «французских» политических инноваций, и уровень их консерватизма намного ниже. Именно среди валлонов наибольшей популярностью пользуются либералы, социалисты и зеленые.

Характерен случай с либералами: в Валлонском Брабанте они получили на выборах 2003 г. более 40% голосов, тогда как во Фламандском Брабанте – более 25%. Либералы выступили успешно в Брюсселе, Льеже и Люксембурге, тогда как в другой половине страны им благоприятствовала только Восточная Фландрия. Похожая ситуация и с социалистами. В Валлонии им благоприятствовали Эно, Намюр и Льеж, а во Фландрии только Лимбург (географически близкий к промышленному Льежу). Зеленые получают результаты выше средних только в Брюсселе и Валлонии. Напротив, христианские демократы в Валлонии относительно популярны только в Люксембурге. Сугубо фламандским феноменом стал ультраправый Фламандский блок, выполняющий также роль региональной партии¹². В целом Фландрия пошла по пути отталкивания от Брюсселя и Валлонии, что усилило ее исходную правую и регионалистскую ориентацию (можно провести некоторые аналогии с Севером Италии и Баварией).

Более сложным примером является Швейцария, где этнолингвистические расколы (германоязычное, франкоязычное и италияязычное население) сочетаются с конфессиональными (католики и протестанты), вызывая чересполосицу. Роль консервативного полюса играет германоязычный северо-восток, главная зона поддержки Швейцарской народной партии, включающая и Цюрих (который оказывается отчасти подобен германскому Мюнхену)¹³. Учитывая антииммигрантскую риторику ШНП, аналогии можно провести и с Фландрией. Практически ШНП пользуется поддержкой только в германоязычной части страны, и то не всей.

С другой стороны происходит явное обособление юго-западных франкоязычных кантонов, в особенности индустриализованных Же-

¹² *Националистический Фламандский союз (Фолксioni) популярнее в консервативной Западной Фландрии (7% голосов на выборах 2003 г.). В Валлонии эту нишу пытался занять Национальный фронт (родственный французскому), но ниша оказалась существенно меньше (наилучшие результаты – более 7% в Эно и более 5% в Намюре, там же, где популярны социалисты, а христианско-демократические консерваторы слабы).*

¹³ *На выборах 1999 г. ШНП получила более 30% в Цюрихе, Аргау, Тургау, Швице, Аппенцел-Ауссерродене. Более 25% было получено в Берне, Санкт-Галлене, Шаффхаузене. В целом получается довольно слитная голосующая за ШНП германоязычная территория на севере и северо-востоке страны.*

невы и Невшателя, отчасти Во (столица – Лозанна). Здесь и только здесь относительного успеха добились фактически региональные партии, притом разной окраски – Либерально-консервативная демократическая партия и Швейцарская партия труда (наследница коммунистов).

Некоторое обособление отмечается и на северо-западе, где сильнее позиции левых. Расположенный на стыке границ Швейцарии, Франции и Германии крупный промышленный центр Базель характеризуется меньшим консерватизмом и отличается поддержкой социал-демократов (более 30%). В этом с ним солидарен близлежащий франкоязычный кантон Юра, главное новообразование на швейцарской карте (кантон возник в XX веке). Если следовать модели «центр – периферия», то именно Базель выполняет в Швейцарии функции «левого» инновационного центра, в то время как Цюрих отличается повышенным консерватизмом (хотя позиции социал-демократов в Цюрихе тоже лучше, чем по стране в целом). Что касается италиязычного кантона Тичино, то в нем есть свои (правда, слабые) региональные партии, дополняющие голосование за некоторые общенациональные силы.

Кроме того, особую роль в Швейцарии играет конфессиональный раскол. Католические кантоны традиционно ориентированы на Христианско-демократическую партию. Эта партия ослабляет раскол между теми германоязычными и франкоязычными кантонами, которые отличаются католическим консерватизмом. За нее активнее голосуют и традиционный католический центр Люцерн с преобладанием германоязычного населения, и соседний католический центр Фрибур со смешанным населением (а также франкоязычная Юра на северо-западе и смешанный горный кантон Вале на юге). ХДП довольно популярна и в южном италиязычном Тичино. Таким образом, этнолингвистические и конфессиональные расколы вместе с расколом «центр – периферия» создают в Швейцарии мозаичную электоральную геоструктуру, в которой сильно размыто «бельгийское» противостояние.

Наконец, в качестве важного примера следует рассмотреть Испанию, где этническое многообразие сочетается с расколами между самими испанцами. Последний тип раскола был рассмотрен выше. Этот раскол имеет как геокультурную, так и социогеографическую природу (по сути представляет собой их синтез) и выражается в противоречиях между северными и центральными районами страны с их повышенным консерватизмом и южными регионами, являющимися оплотом социалистов.

Что касается этногеографической ситуации, то Испания интересна наличием нескольких этнических периферий, расположенных по краям страны. Наибольшим электоральным обособлением отличается более радикальная в своих отношениях с Мадридом Страна Басков. Здесь действует Баскская националистическая партия, которая получила в этом регионе на общенациональных выборах 2000 г.

31,3% голосов (в 1996 г. – 25,4%). Также баски голосуют за блок «Баскская солидарность» (около 8% голосов). В 1996 г. в Стране Басков также голосовали за движение «Объединенный народ» (12,5% голосов). Позиции общенациональных партий здесь довольно слабы (на выборах 2000 г. Народная партия получила 29,1% голосов, социалисты – 24%¹⁴)¹⁵.

¹⁴ Хотя самым крупным городом Страны Басков является мощный промышленный и портовый центр Бильбао.

¹⁵ Присутствие басков немного влияет на голосование в Наварре, в целом относящейся к консервативным областям Испании. В 2000 г. «Баскская солидарность» получила здесь 7,8% голосов, Баскская националистическая партия – 2,25%.

¹⁶ Напомним, что в Галисии расположен важнейший центр паломничества католиков – Сантьяго-де-Компостела.

Вторым обособленным регионом является Каталония. Ее электоральная культура отличается сочетанием голосования за социалистов (на уровне 35–40% на выборах 1996 и 2000 г.) и местных националистов из блока «Конвергенция и союз» (почти 30%). При этом столица области Барселона, являющаяся одним из крупнейших городов Испании, тяготеет к левым, в то время как каталонская глубинка поддерживает националистов.

Уровень «электоральной автономии» в Галисии существенно ниже и уже не вызывает крупных противоречий с центром. Здесь действует Галисийский националистический блок, набравший на последних выборах 18,9% голосов. При этом основной ориентацией Галисии – северо-западной окраины Испании является все же консерватизм, а не регионализм, что влечет за собой преимущественное голосование за Народную партию¹⁶.

Электоральный регионализм отчасти проявляется и в некоторых областях Испании, где преобладают собственно испанцы. Этим Испания несколько напоминает итальянскую модель (превосходя ее в плане развития сугубо региональных движений). Наибольшего размаха регионализм достигает на Канарских островах, где значительную часть голосов собирает Канарская коалиция (25–30%) при в целом правой ориентации островов. В других регионах это явление значительно слабее. В Арагоне представлена Арагонская хунта, набирающая в своем регионе порядка 10% голосов. Партия Андалусии получила в 2000 г. едва более 5%. Попытка выступления Валенсийского союза в 1996 г. закончилась провалом (3,6% голосов).

Этнические периферии представлены и в других странах. В Великобритании Шотландия и Уэльс являются оплотом лейбористов. На выборах 2001 г. лейбористы завоевали 33 из 40 округов Уэльса и 52 из 72 округов Шотландии. Влияние местных националистических партий – Шотландской народной партии и «Плайд Кимри» в настоящее время невелико и географически выражено слабо, в большей степени – на горной и островной периферии (Agnew, 1987). Левизна кельтских периферий определяется как наличием в их составе старопромышленных зон, так и геокультурной поляризацией, в соответствии с которой меньшинства обычно предпочитают левые партии, поскольку консерватизм как правило является выбором государствообразующего этноса (своеобразное продолжение британской модели для этнических периферий). Зато полностью обособленной с точки зрения электоральных процессов является Северная Ирландия, где главным является конфессиональный раскол между католиками и протестанта-

ми, и вокруг него сложилась своя партийная система. В результате округа здесь поделились между протестантами-юнионистами (Юнионистская партия Ольстера и Демократическая юнионистская партия), радикальной католической Шинн Фейн и местными социал-демократами. Но это – крайний случай в мировой практике электорального регионализма.

В Италии наиболее обособленным регионом является горная альпийская область Трентино-Альто-Адидже (известная из истории как Южный Тироль) с германоязычным населением. Здесь возникла своя Южно-Тирольская народная партия, получившая на национальных выборах 2001 г. 32,9% голосов.

В Канаде наряду с описанным ранее географическим существует и этнолингвистический раскол, связанный с франкоязычной провинцией Квебек. В ней сложился свой Квебекский блок, набравший на выборах 2000 г. 39,8% голосов. С ним, однако, неплохо конкурирует Либеральная партия, поскольку космополитичный инновационный Монреаль (наиболее крупный город Квебека) не столь сильно отличается от ведущего города «либеральной» провинции Онтарио – Торонто. На выборах 2000 г. Либеральная партия уверенно заняла в Квебеке первое место, получив 44,2% голосов.

* * *

Подводя итоги рассмотрения геокультурных и социогеографических расколов, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, следует выделить группу наименее однородных, сложносоставных государств. Их провинции могут иметь свою историю, а сама национальная территория зачастую формировалась на протяжении длительного времени из разнородных «лоскутов». В таких странах возникают геокультурные расколы, которые играют более важную роль в формировании электоральных геоструктур в сравнении с расколами «центр – периферия». Эти расколы в условиях мононационального государства могут также иметь конфессиональную природу (раскол «Север – Юг» в Германии и в целом германская модель геокультурного раскола). Но, как показывает пример Италии (итальянская модель геокультурного раскола), в мононациональном и моноконфессиональном государстве такие расколы могут быть не менее сильными, приводя к делению страны на множество электоральных зон, связанных с теми или иными историческими областями. Раскол может возникнуть и в государстве с особенно большой территорией в случае ее недостаточной географической связности. Так он появился в Канаде, расколовшейся на Запад и Восток. И, кстати, аналогичного раскола не возникло в США с их большей территориальной связностью и отсутствием у регионов пространства для электорального маневра в связи с жестким доминированием общенациональной двухпартийной системы.

Во-вторых, не следует преувеличивать роль социогеографических расколов между более богатыми и бедными территориями. Зависимость, связанная с голосованием более бедных или более пролетарских регионов за левые силы, безусловно, существует. Но социогеографические расколы лучше рассматривать в одном контексте с расколами «центр – периферия», исходя из базовой гипотезы о большем экономическом благополучии центра в сравнении с перифериями. Дальнейший анализ показывает, что как в центральных агломерациях, так и между перифериями могут возникать различия в электро-ральных ориентациях, связанные с социальным составом населения и его экономическим благополучием (пример сегрегации в столичном ядре Мальты, поправение более благополучных приморских регионов в Южной Европе и полевение наиболее бедных европейских территорий). Можно говорить о мальтийской модели, когда голосование правого типа характеризует как богатые урбанизованные и/или прибрежные зоны, так и консервативную и небогатую глубинку. Также социальные контрасты могут сочетаться с геокультурными, что видно на примере Испании и отчасти Португалии.

¹⁷ Хотя есть и свои исключения. Шведское меньшинство в Финляндии все-таки имеет свою партию – Шведскую народную партию, которая при этом относится к либеральным. Ее позиции заметны в прибрежных провинциях Вааса и Уусимаа, где (но не только там) проживают шведы. В консервативном Южном Тироле создаются свои партии, но за левых голосуют очень мало в связи с общим консерватизмом этой территории, входящей в «альпийский пояс» (наряду с австрийским Тиролем). Отмеченная тенденция связана скорее с теми этническими перифериями, которые находятся под влиянием инновационных центров, как Шотландия и Уэльс (с их крупными старопромышленными зонами), или сами являются таковыми, как Барселона.

В-третьих, этнические периферии обычно делают выбор между созданием собственной партии или голосованием за более левую политическую силу общенационального масштаба. Первый путь видится наиболее логичным и стандартным, однако может быть тупиковым в связи с отсутствием у такой партии шансов на прохождение в парламент или серьезное влияние в масштабах страны в целом. В Испании с ее более глубокой регионализацией и созданием областных правительств распространена тенденция к созданию местных партий, особенно в Стране Басков и Каталонии, мечтавших об автономии в годы франкизма. Аналогичная попытка предпринята и в Квебеке, являющемся частью канадской федерации. В Северной Ирландии с ее взрывоопасной политической ситуацией отмечается крайний случай – своя партийная система, в которой есть как лояльные Лондону, так и сепаратистские силы.

¹⁸ На Гавайских островах преобладает население японского происхождения.

В унитарных странах или в случае с небольшими этнолингвистическими группами проявляется характерный выбор этнической периферии в пользу левых¹⁷. Он объясняется тем, что консервативная партия обычно представляет интересы государствообразующего большинства и защищает его традиционализм, как правило, отрицающий какие-либо особые права для меньшинств. Этническая поляризация внутри такого государства ведет к голосованию тех же Шотландии и Уэльса за лейбористов при снижении интереса к национальным партиям. В Испании выбор в пользу социалистов делает инновационная и одновременно иноэтническая, каталонская Барселона, отталкивающаяся от более правого, кастильского Мадрида. Интересен и пример США, где одним из стабильных оплотов Демократической партии, наряду с инновационными зонами, являются Гавайи¹⁸.

Однако существуют и электорально интегрированные этнические периферии, которые голосуют за правые партии, наряду с консервативной частью государствообразующего этноса. В этих случаях не сбавляется эффект отталкивания в связи с отсутствием явных исторических противоречий. Как результат, вполне правыми выглядят такие особые области Франции, как Эльзас и Лотарингия, которые подобны более консервативным французским соседям регионам (Шампань, Бургундия, Франш-Конте) и расположенному через границу германскому Баден-Вюртембергу. Кстати, традиционно правой считается и Бретань (Siegfried, 1913), хотя сегодня она скорее делится на более левые (Финистер, Кот-д'Армор) и более правые (Морбиан) зоны. В Испании к правым тяготеет традиционалистская Галисия при небольшом влиянии собственных националистов. К числу неплохо интегрированных земель относится Фрисландия в Нидерландах и т. п.

В-четвертых, характерным явлением нужно признать расколы между наиболее крупными центрами страны, которые ведут к их взаимному отталкиванию и разному типу голосования. Налицо географический эффект поляризации, ведущий к электоральному размежеванию крупных центров и областей и, в частности, размежеванию креативных центров с разными типами голосований. В странах с более глубокими геокультурными противоречиями эти расколы сильнее, и поляризация выше. Интересен феномен правого конкурирующего центра с несколько усиленным за счет эффекта поляризации консерватизмом при относительной левизне и/или либеральности столицы (Мюнхен, Эдмонтон, Антверпен, отчасти Милан, Лион, Порту, Салоники, Корк¹⁹). Возможны и обратные ситуации, все равно подчеркивающие поляризацию (более левая Барселона, Тулуза, отчасти Женева, Гетеборг, Тронхейм, Мельбурн в сравнении с Сиднеем, Крайстчерч).

В-пятых, в поляризованных странах развиты переходные зоны, которые могут даже занимать большую часть страны. В Канаде это прежде всего Манитоба, в Германии – Гессен, в Австрии – Верхняя Австрия. В США в неустойчивом положении находятся регионы, сочетающие черты консервативного Запада (Юга) и инновационного центра. Это – регионы Тихоокеанского побережья (включая также Неваду с ее Лас-Вегасом), Флорида, группа центральных штатов в лице Миннесоты, Висконсина и Айовы. Хотя в более компактных странах между региональными электоральными культурами могут пролегать и довольно узкие барьеры (Португалия).

В-шестых, рассмотрение геокультурных расколов полезно даже в тех странах, где отлично работает модель «центр – периферия». В США, например, нюансы голосования штатов зависят от присутствия афроамериканских и латинских меньшинств, которые склонны к голосованию за демократов. Отсюда, например, сдвиг Нью-Мексико в сторону демократов, некоторые колебания в южных регионах и др. Напротив, повышенный консерватизм ряда горных штатов объясняется присутствием мормонов (прежде всего – Юта).

¹⁹ Обычно этот усиленный консерватизм сочетается с еще большим традиционным консерватизмом периферийного окружения.

Литература

1. *Аксенов К.Э., Капралов Е.Г.* География голосования в городах США: опыт микрополитико-географического анализа // Политическая география и современность: региональные и прикладные аспекты. – СПб., 1991.
2. *Визгалов Д.В.* Новейшие тенденции в географии парламентских выборов в Великобритании в 1992–1997 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. – 2000, №2. – С. 35–42.
3. *Грицай О., Иоффе Г., Трейвиш А.* Центр и периферия в региональном развитии. – М., 1991.
4. *Колосов В.А., Туровский Р.Ф.* Электоральная карта современной России: генезис, структура и эволюция // Полис. 1996, №4. С. 33–46.
5. *Лаврухин В.В.* Электоральная география Франции. (Дисс. ... канд. географ. наук). – Л., 1985.
6. *Туровский Р.Ф.* Региональные особенности российских выборов // Второй электоральный цикл в России, 1999–2000. – М., 2002.
7. *Agnew J.* Place and Politics. The Geographical Mediation of State and Society. – Boston, 1987.
8. *Friedmann J.* Regional development policy. – Boston, 1966.
9. *Gudgin G., Taylor P.* Seats, Votes and the Spatial Organisation of Elections. – London, 1979.
10. *Hägerstrand T.* The Propagation of Innovation Waves // Readings in Cultural Geography. Ed. by Wagner P.L. and Mikesell M.W. – Chicago and London, 1962.
11. *Hägerstrand T.* Innovation Diffusion as a Spatial Process. – Chicago, 1967.
12. *Morrill R.L.* Political Redistricting and Geographic Theory. – Washington, D.C., Resource Publications in Geography, Association of American Geographers, 1981.
13. *Rokkan S.* Citizens, Elections, Parties. – N. Y., 1970.
14. *Rokkan S.* Dimensions of state formation and nation building: a possible paradigm for research on variations within Europe // The Formation of Nation States in Western Europe. Ed. by C. Tilly. – Princeton, 1975.
15. *Rokkan S.* Territories, centres, and peripheries: toward a geoethnic-geoeconomic-geopolitical model of differentiation within Western Europe // Centre and Periphery. Ed. by Jean Gottmann. – Beverly Hills and London, 1980. – P. 163–204.
16. *Siegfried A.* Tableau Politique de la France de l'Ouest. – Paris, 1913.
17. *Taylor P.J., Johnston R.J.* Geography of Elections. – L., 1979.
18. *Taylor P.J.* Political geography. World-economy, nation-state and locality. – L., 1989.
19. *Tingsten H.* Political behavior: studies in election statistics. – Totowa, 1963.
20. *Wallerstein I.* Geopolitics and geoculture: essays on the changing world-system. – Cambridge, 1991.